

Татьяна ЛЕСТЕВА

ДЕТСТВО

*По книгам Веры Андреевой
и Ольги Андреевой-Карлайл¹.*

Не скрою, что «Детство» Вадима Андреева произвело на меня столь сильное впечатление, что вызвало необоримое желание познакомиться и с воспоминаниями его младшей сестры — Веры и его дочери Ольги, тем паче, что в Орле на сайте музея Леонида Андреева — отца Вадима и Веры — утверждалось, что все дети Леонида Андреева унаследовали от него литературный дар. С этим трудно согласиться, поскольку из шести его детей (включая и его приёмную дочь от второй жены) писателями стали только дети от первого брака — Даниил Андреев, поэт и автор знаменитой мистической «Розы мира» и Вадим Андреев — поэт и автор нескольких автобиографических прозаических произведений, опубликованных в СССР в период пост-хрущёвской оттепели. Вера Андреева (1910–1986) начала писать воспоминания только после возвращения в Советский Союз в 1960 году. Я посмотрела каталоги РГБ и РНБ — они содержат информацию только о разных изданиях двух её произведений, перечисленных в сноске.

Снова перед читателем пройдут персонажи и события из жизни семьи Леонида Андреева. Но как они отличаются от описаний Вадима! Вера даёт представление о своём, в общем-то безоблач-

¹ Вера Андреева «Эхо прошедшего»: Роман. — М. Советский писатель, 1986, — 384 стр. Содержание: «Дом на Чёрной речке» стр. 3–139 и «Эхо прошедшего» стр. 140–384.

Ольга Андреева-Карлайл. «Остров на всю жизнь. Воспоминания детства. Олерон во время нацистской оккупации», пер. с франц. Л.Е. Шендерович-Фок, послесловие Н.А. Громовой. Москва: Изд. АСТ, редакция Елены Шубиной, 2021, — 281 с. илл. — (Чужестранцы).

ном детстве с родным отцом, матерью, бабушкой, тётёй Наташей, которая фактически вела хозяйство и занималась детьми. Леонид Андреев в воспоминании дочери предстоит совсем другим человеком по сравнению с воспоминаниями Вадима, для которого отец был недостижимым, я бы сказала каменным, бессердечным монументом, к сердцу которого мальчик многие годы пытался найти тропинку. Вера напишет об отце, что «... Папа был остроумным и весёлым старшим другом, учителем и озорным товарищем наших игр...» (стр. 15). «И папа уступает нашим просьбам, надевает свои огромные валенки, отделанные кожей и, весёлый, с развевающимися ушами меховой шапки, отправляется вместе с нами. Мы страшно любили эти прогулки с папой. Он выдумывал всякие замысловатые состязания, он вникал во все наши законы езды и тут же сочинял новые, хохотал вместе с нами и валялся в снегу, смешно задирая чёрную бороду, когда снег забирался за шиворот» (стр. 14). В редкие зимние прогулки Вадима с отцом Л. Андреев сосредоточенно молчал, не принимая попыток подростка сблизиться с ним, раскрыть перед ним свой духовный мир. Вадим, тем не менее, пытается оправдать отца тем, что он не любил маленьких детей.

В памяти Веры отец оставался другим. С изрядной долей юмора она описывает эпизод с братом Саввой, безоговорочным любимцем родителей. «Один раз Саввка пришёл со страшным рёвом к папе и пояснил: “Я Веку бю-бю, а она не пацет!” Он меня, видите ли, бил, а я из упрямства — потому что обычно я была жуткой рёвой — на этот раз плакать не захотела — от огорчения, что я не плачу, когда ему этого хочется, Саввка сам пустился в рёв и пришёл жаловаться на меня папе. “А ты палкой не пробовал?” — спросил папа и к превеликому Саввкиному возмущению отшлёпал его» (стр. 21).

Оба мемуариста отмечают отнюдь не одинаковое отношение Леонида Андреева и его второй жены к своим детям, выделяя Савву — первенца писателя от второго брака с Анной Ильиничной Денисевич (Корницкой по первому мужу). Савве разрешалось всё, именно его часто брали с собой родители во время путешествий на яхте или поездок. Саввой восхищались все, даже незнакомые люди засматривались на него на улицах, восхищаясь его красотой. Казалось бы, при такой всеобщей любви и вседозволенности он должен был бы вырасти законченным эгоистом — эгоцентристом. Ан нет, в «Эхе прошедшего» Вера напишет о том, что он был добрым и отзывчивым, поддерживал тёплые отношения с Валенти-

Слева направо: Нина Корницкая — дочь от первого брака Анны Ильиничны, Савва, Вера, Валентин (Тин)

ном — младшим родным братом и сестрой, с безмерным почтением относился к своей матери, которая именно на него опиралась после смерти Леонида Андреева, когда она приняла решение уехать из Финляндии в Европу. Вера Леонидовна подчёркиёт в Савве непреходящее чувство неудовлетворённости собой из-за того, что он не оправдал надежд своей матери.

Старшие дети Леонида Андреева? «Брата Даниила² я не помню, — написала в воспоминаниях Вера. — Один раз только худенький беленький мальчик сидел на камне около кухонного крыльца. “Это ваш брат Даня”, — сказали нам. Даня всегда воспитывался и всегда жил у родных своей матери Александры Михайловны в Москве» (стр. 22). Относительно брата Вадима Вера напишет более подробно: «Вадим был гораздо старше и жил где-то у родственников, приезжая на Чёрную речку только на летние и рождественские каникулы. Он был худой подросток с ужасно жёсткими волосами, которые, как щетины, протыкали его берет и торчали наружу. (...)

Мы относились к нему как к взрослому, уважали и слушались безоговорочно» (стр. 22).

Говоря о старшем брате, Вера в своих воспоминаниях не скрывает один, поразивший её эпизод, дипломатично обойдённый Вадимом в его книге, — о взаимоотношениях пасынка с Анной Ильиничной, второй женой отца. Напомню, что после женитьбы на ней Леонид Андреев потребовал от сына называть Анну Ильиничну мамой, что ребёнок и был вынужден делать.

«Я знала, что наша мама приходится Вадиму мачехой, но не придавала этому никакого значения, просто не задумывалась над этим, но однажды я слышала, как он вбежал, рыдая, в комнату

² Даниил Леонидович Андреев родился 2 ноября 1906 г. в Груневальде, умер в пятидесятидвухлетнем возрасте 30 марта 1959 г. в Москве за год до возвращения Веры Леонидовны в СССР.

и, перед тем как хлопнуть со страшной силой дверь, закричал пронзительным голосом: “Мачеха!”. Какое холодное, жестокое слово! Оно прокатилось по всему дому, и я в первый раз подумала, что Вадим может быть каким-то несчастным, каким-то неполноценным, как будто у него не хватало руки или ноги» (стр. 21). Да, даже ребёнок понял, а вот Анна Ильинична...

Впрочем, Вера оправдывает свою мать, жизнь которой была посвящена только «служению» Леониду Андрееву: «служение ему — преданное, напряжённое, болезненно-страстное». Собственные же дети «мало видели её — вечно занятую, озабоченную, строгую. Мама *старалась* быть ласковой, порой, как бы пробуждаясь, вдруг начинала интересоваться нами, брала на руки, расспрашивала. И невольно мы разочаровывали её, казались *заурядными* (курсив мой — Т. Л.), диковатыми, мало ласковыми» (стр. 46). И: «Холодный взгляд маминых чёрных глаз обладал такой выразительностью, что замораживал самое буйное веселье, смех тотчас же превращался и становилось даже непонятно — с чего это мы так развеселились» (стр. 62). Вера описывает страх, который её охватил, когда по совету тётки Наташи мать решила взять её с собой в поездку и облегчение, когда *поездка дочери с матерью* (sic!) не состоялась.

Выделив курсивом *заурядность* детей собственных детей Анны Ильиничны, невольно задаёшь вопрос: а судьи кто? В чём её незаурядность? Корней Чуковский в «Дневниках» о её отце написал, что он назвал своих дочерей Анна (Матильда) и Анна (Виктория). Сначала Леонид Андреев сделал предложение Анне-Виктории и только после её отказа женился на сестре Анне-Матильде. Правда, незаурядное редкое имя Матильда³ тотчас же исчезло после её замужества, оставив только весьма популярное

Анна Ильинична Андреева

³ Женское имя Матильда имеет немецкое происхождение. Оно образовалось от древнегерманского имени Mahtild (Mahtildis, Mathildis), состоящего из двух смысловых частей: «maht» — означает «власть», «сила», «могущество» и «hilt, hild» — «битва». Также можно встретить такое толкование как «опасная красота».

(заурядное?) — Анна⁴. Вера отмечает мужской склад ума матери, её неприятие мещанства и то, что Анна Ильинична «серьёзно занималась музыкой», но... опять-таки заурядное хобби для себя. Незаурядным, на мой взгляд, оказалось кредо Анны Ильиничны: «...маме очень хотелось активно участвовать в чём-то конкретном, в труде, приносящем зримую пользу окружающим, — пусть этот труд физический, он всё равно приносит удовлетворение и даже счастье тому, кто работает. Таково было мамино кредо, но всю свою жизнь маме не пришлось своим собственным трудом зарабатывать себе на пропитание, на содержание своих детей, — за всё это раз и навсегда заплатил папа (курсив мой — Т. Л.)» (стр. 374). Так что «служение» Леониду Андрееву оказалось не напрасным, во всяком случае, в финансовом смысле.

Но, объективности ради, всё-таки нужно отметить, что в ледяном сердце этой «снежной королевы» всё-таки были небольшие кусочки, в которых билась живая горячая кровь. Конечно, самый большой горячий ключ принадлежал Леониду Андрееву, после смерти которого «... Из её жизни как будто вынули тот стержень, на котором она держалась, и она рухнула бесшумно и превратилась в груды жалких обломков. Мы были слишком малы, глупы и ничтожны в своём бессилии заполнить страшную пустоту маминной жизни. Она металась в тоске» (стр. 84). И второй ключ поменьше был связан с Саввой. Когда уже в Италии он заболел дизентерией и был на пороге смерти, она две недели в больнице не отходила от сына ни на минуту и позже дома педантично соблюдала даже малейшие указания врачей. Но это естественное свойство матери. Точно так выходила и тоже самого любимого сына Леонида и его мать. А вот при частых, в том числе тяжёлых болезнях Веры матери рядом не было. Девочка не отвечала её эстетическим идеалам? Да и в судьбе Нины, дочери от первого брака А. И., насколько можно судить по воспоминаниям сестры, её участие ограничивалось, я бы сказала, «советами постороннего».

А вот к Савве... Когда Анна Ильинична заболела тяжелейшим тифом и более двух недель была без сознания, «... В те редкие минуты, когда сознание возвращалось к ней, мама просила бумагу и карандаш и исписывала целые страницы. Это были письма к десятилетнему Саввке, в которых она изливала любовь к нему,

⁴ Христианское имя Анна пришло к нам из древнееврейского языка. В переводе с иврита Ханна означает «милость», «сила», «благодать», «храбрость». У католиков и православных существует ещё одно значение — «милость божья». Тайна имени в том, что оно является самым популярным в мире.

раскрывала перед ним весь мрак своего одиночества и навсегда прощалась с ним. Что мог понять глупый, маленький Савва и как страшно была одинока наша мама, если у неё не было ни одного родного человека, кроме маленького сына» (стр. 90).

Как же в такой семье, где родители предавались «службе» — отец литературе, а мать — отцу, воспитывалось их многочисленное потомство? Как и Вадим, находивший себе утешение в книгах, с трепетом относившийся к отцовской библиотеке, так и Вера подчёркивает роль книги в её детстве: «С самого детства мы были окружены книгами. Все мы читали запоем, и мне кажется, что во времена своего детства я прочла большую часть книг, прочитанных мною за всю жизнь». Конечно, были какие-то гувернёры и у Вадима, и гувернантки у младших детей, но никакой системы в образовании не было. Наказывалась лень и нерадивость, наказание пустотой — ребёнка закрывали на целый день в пустой комнате без мебели с матрасом на полу, даже обед просовывался через чуть приоткрытую дверь; «как арестанту», напишет Вера позже в воспоминаниях. И только добрейшая тётя Наташа поздно вечером тихонько проведёт «арестанта» в кухню посмотреть, не осталось ли там чего-нибудь вкусенького.

Учителя сменялись, даже сама Анна Ильинична попробовала поучить собственных чад игре на фортепьяно, но, не обнаружив в них зачатков гениальности, быстро отказалась от этого начинания. Ей же, как деловой женщине, принадлежала идея использовать Вадима, с разрешения отца пропустившего один год обучения в гимназии и жившего на Чёрной речке, в качестве учителя русского языка и литературы. Читая воспоминания Веры о Вадиме как учителе, невольно вспоминаешь строгого «педагога» — студента из повести В. Андреева «Детство», которого Вадим не только не любил, откровенно боялся и даже лицемерно ответил на вопрос гувернёра, что он его любит. «Учителем Вадим был весьма суровым и требовательным. Его система заключалась в том, что он не обременял нас грамматикой, а заставлял много читать, рассказывать прочитанное и писать диктовки и сочинения. Мы писали и писали без конца» (стр. 21). Позже в «Эхе прошедшего» Вера признает, что Вадим-таки выучил их русскому языку, с которым у неё с Тинном не было проблем при учёбе в гимназии в Чехословакии.

Хотя... вспоминая о том, как Вадим заставлял их учить наизусть стихи, Вера с изрядной долей юмора описывает эпизод с образовавшейся в голове «кашей» от бездумной зубрёжки стихов. «... я однажды спросила папу: “Кто такие флюгеране?” — “Что

Справа налево стоят:
Вера, Савва, Валентин

такое?” — спросил папа, ничего не поняв. “Ну, флюгеране, — такой, наверное, народ, вроде англичане”. — “Да откуда ты взяла?” — “Ну как же: “не гнутся высокие мачты, на них флюгеране шумят”, — приборотала я. Папа дико захотел и пошёл вон из комнаты. Ещё долго я слышала

его удаляющийся хохот и возгласы: “Нет, ты только послушай, Аня, что Верка говорит: “флюгеране... народ такой... ха-ха-ха!”

После этого я уже не рисковала приставать с расспросами и только про себя недоумевала над непонятными словами...» (стр. 67). И снова задаёшь себе вопрос, а почему бы отцу-писателю (!) не объяснить ребёнку, да заодно и учителям, что стихи нужно не заучивать на слух, а читать и спрашивать о непонятном. Интернета в то время ещё не предвиделось.

Надо воздать должное Анне Ильиничне: своих детей после смерти мужа она устраивала *только в русские гимназии*. Поэтому она с семьёй уехала из Финляндии, где после революции закрылись русские гимназии, в Берлин, Прагу, пока, наконец, не обосновалась в Париже. Гимназическое образование было необходимым условием для последующего поступления в университет. В Праге в гимназиях — мужской и женской, естественно, о совместном обучении в те годы речь ещё не шла — учились Валентин и Вера, вынужденные жить в пансионе. Савву Анна Ильинична, кстати, оставила при себе. В итоге позже, когда она обосновалась в Париже и повела своих детей в гимназию, младшего Валентина приняли в пятый класса, а Веру — в шестой. Савву, хотя он был на год старше Веры, с *трудом* определили тоже — в шестой класс из-за плохих знаний по математике потому, что он не учился в школе. После окончания гимназии в 1926 году семнадцатилетний Савва, рисунки которого высоко оценивал ранее И.Е. Репин, легко поступил в Académie des Beaux-Arts (Академия изящных искусств в Париже), где учился живописи, а Вера...

Окончание следует

Санкт-Петербург, октябрь 2023 г.